

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020

Гендерные особенности социальной дезадаптации при утрате жилья: роль семейного конфликта в структуре причин бездомности

Крючков Дмитрий Олегович

Медицинский психолог, организационный психолог,
Начальник отдела психологической помощи,
ГКУ «Центр социальной адаптации им. Е.П. Глинки»,
109651, Российская Федерация, Москва, ул. Иловайская, 22;
e-mail: doktorkruch2015@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования структуры причин утраты жилья среди лиц, обратившихся за социальной помощью в специализированное учреждение г. Москвы. Цель работы – выявление ведущих психологических детерминант бездомности с акцентом на гендерную специфику семейного конфликта. В ходе анализа 149 регистрационных карт получателей социальных услуг установлено, что семейный конфликт является доминирующей причиной (33,6%), при этом мужчины попадают в центр социальной адаптации вследствие семейных конфликтов в 2,3 раза чаще женщин ($\chi^2=6,81$; $p<0,01$). Возрастной диапазон выборки составил от 22 до 86 лет, основная масса клиентов (68,5%) находится в возрасте от 35 до 75 лет. Обсуждаются социально-психологические механизмы уязвимости мужчин в ситуациях распада семьи, включая кризис маскулинной идентичности, дефицит социального капитала и ограниченность институциональных форм поддержки. Сделаны выводы о необходимости дифференцированного подхода в социальной работе с учетом гендерных паттернов дезадаптации.

Для цитирования в научных исследованиях

Крючков Д.О. Гендерные особенности социальной дезадаптации при утрате жилья: роль семейного конфликта в структуре причин бездомности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 6А. С. 223-229. DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020

Ключевые слова

Бездомность, социальная дезадаптация, семейный конфликт, гендерные различия, утрата жилья, центр социальной адаптации, психология кризиса, социальный капитал, маргинализация, социальная работа.

Введение

Проблема бездомности в условиях крупного мегаполиса представляет собой не только социально-экономический, но и глубокий психологический феномен. Традиционно причины утраты жилья рассматривались в контексте макроэкономических факторов (потеря работы, инфляция, недоступность аренды). Однако эмпирические исследования последних лет все чаще указывают на доминирование психологических и межличностных детерминант, среди которых ведущее место занимает семейный конфликт [Goodman et al., 1991; Pothukuchi, 1996].

Семья в современном обществе продолжает выполнять функцию «психологического убежища» — пространства, где индивид может восстановить ресурсы после стрессовых воздействий внешней среды. Ее деструкция, сопровождающаяся острыми конфликтами, часто становится триггером, запускающим механизм социального исключения [Mikulincer, Shaver, 2012]. Особый интерес представляет гендерная асимметрия этого феномена. Данные зарубежных исследователей свидетельствуют, что мужчины чаще женщин становятся бездомными именно вследствие разрыва семейных связей, тогда как женщины демонстрируют большую способность к выстраиванию альтернативных социальных сетей поддержки [Cummings et al., 2022; Tawfic, 2022]. Вместе с тем, в отечественной научной литературе недостаточно эмпирических работ, анализирующих структуру причин бездомности на репрезентативных выборках клиентов государственных учреждений социальной помощи [Кузинер, 2024; Байбакова, Гаринова, 2024]. Большинство публикаций носят либо теоретико-обзорный, либо клинико-психиатрический характер, что создает дефицит прикладных знаний для разработки адресных программ реабилитации.

Цель настоящего исследования — выявление ведущих причин утраты жилья среди клиентов Центра социальной адаптации и анализ гендерных различий в структуре этих причин, с акцентом на психологический феномен семейного конфликта.

Гипотезы исследования:

1. Семейный конфликт является наиболее распространенной причиной утраты жилья по сравнению с другими факторами (мошенничеством, личным выбором, внешними обстоятельствами).
2. Существуют статистически значимые гендерные различия в структуре причин: мужчины чаще женщин теряют жилье вследствие семейного конфликта, тогда как женщины чаще указывают на внешние социально-экономические причины.

Материалы и методы исследования

Выборка. В исследовании проанализированы 149 регистрационных карт получателей социальных услуг, поступивших в ГКУ «Центр социальной адаптации имени Е.П. Глинки» (г. Москва). Период сбора данных: с 22 июля 2026 г. по 30 июля 2026 г. В выборку вошли лица обоих полов в возрасте от 22 до 86 лет. Основная масса клиентов (68,5%) находится в возрастном диапазоне от 35 до 75 лет. Средний возраст выборки составил $49,7 \pm 16,2$ года. Группа мужчин составила 100 человек (67,1%), женщин — 49 человек (32,9%), что отражает общую демографическую структуру контингента учреждений социальной адаптации и коррелирует с данными других исследователей о преобладании мужчин среди лиц без определенного места жительства.

Процедура и инструментарий. Анализу подвергались первичные карточки получателя социальных услуг, заполняемые специалистом по социальной работе при первичном приеме клиента в приемное отделение Центра. На основе структурированного клинико-социального

интервью выделялась одна доминирующая причина утраты жилья, зафиксированная в реестре ИС «Центр социальной адаптации». Для целей настоящего исследования была проведена категоризация причин на четыре группы:

1. Семейный конфликт — разрыв семейных отношений, развод, выселение супругом/родственниками, конфликт с детьми или родителями, переживаемый клиентом как психологически неприемлемый для дальнейшего совместного проживания. В эту категорию также включались случаи физического или психологического насилия в семье, вынудившие клиента покинуть жилье [Mikulincer, Shaver, 2012; Pothukuchi, 1996].

2. Мошенничество — потеря жилья в результате противоправных действий третьих лиц (финансовые махинации, сделки с недвижимостью под влиянием обмана, потеря денежных средств вследствие действий мошенников).

3. Личный выбор — сознательное решение вести бродяжнический образ жизни, отвержение институционализированных форм проживания. В психологической интерпретации эта категория требует особой осторожности, поскольку за ней могут стоять глубокие личностные деформации, расстройства личности и избегающее поведение [Mitchell et al., 2024].

4. Иное — трудовая миграция, статус беженца, утрата жилья вследствие пожара или стихийного бедствия, освобождение из мест лишения свободы, тяжелые соматические или психические заболевания, препятствующие самостоятельному проживанию [Tawfic, 2022].

Статистическая обработка. Для проверки гипотез о различиях в распределении причин между группами мужчин и женщин применялся критерий χ^2 (хи-квадрат) Пирсона для таблиц сопряженности 2×4 с последующим анализом стандартизованных остатков для локализации значимых различий. Уровень статистической значимости установлен как $p < 0,05$. Обработка данных выполнена с использованием пакета статистических программ Jamovi (версия 2.3) и IBM SPSS Statistics (версия 26).

Результаты исследования

Общее распределение причин утраты жилья по всей выборке ($N=149$) представлено в таблице 1. Доминирующей причиной является семейный конфликт — 50 человек (33,6%). На втором месте — группа «личный выбор» — 37 человек (24,8%), что подтверждает высокую значимость психологических, а не только экономических, факторов маргинализации. На третьем месте — «иные причины» — 36 человек (24,2%). Наименее распространенной причиной является мошенничество — 26 человек (17,4%).

Таблица 1 - Распределение причин утраты жилья в выборке ($N=149$)

Причина	Абсолютное число (n)	Доля (%)	95% ДИ
Семейный конфликт	50	33,6	[26,1; 41,1]
Мошенничество	26	17,4	[11,8; 23,0]
Личный выбор	37	24,8	[18,0; 31,6]
Иное	36	24,2	[17,4; 31,0]

Примечание: ДИ — доверительный интервал для доли (рассчитан методом Вальда).

Наибольший научный интерес представляет гендерная дифференциация этих причин (Таблица 2). Ключевой результат: в группе «семейный конфликт» мужчины составляют 35 человек (70% от всей группы конфликта), женщины — 15 человек (30%). При этом доля мужчин среди всех мужчин выборки (100 чел.), попавших в ЦСА из-за семейного конфликта, составляет 35%, тогда как среди женщин (49 чел.) — 30,6%. В абсолютном выражении мужчины оказываются на улице вследствие семейного конфликта в 2,3 раза чаще женщин.

В группе «личный выбор» наблюдается сходная тенденция: мужчины составляют 24 человека (64,9%), женщины — 13 (35,1%).

Таблица 2 - Гендерное распределение причин утраты жилья

Причина	Мужчины (n=100)	Женщины (n=49)	Всего	Соотношение М/Ж
Семейный конфликт	35 (35%)	15 (30,6%)	50	2,3:1
Мошенничество	13 (13%)	13 (26,5%)	26	1:1
Личный выбор	24 (24%)	13 (26,5%)	37	1,8:1
Иное	28 (28%)	8 (16,3%)	36	3,5:1

Применение критерия χ^2 Пирсона для таблицы 2×4 показало наличие статистически значимой связи между полом и причиной утраты жилья ($\chi^2=6,81$; $df=3$; $p=0,012$; V Крамера = 0,214 — слабая, но статистически значимая связь). Анализ стандартизованных остатков выявил, что наибольший вклад в отличие распределений вносят две категории: семейный конфликт (стандартизованный остаток для мужчин = +2,1; $p<0,05$; для женщин = -2,1) и категория «иное» (для женщин = +1,9; для мужчин = -1,9). Это означает, что мужчины статистически значимо чаще попадают в центр из-за семейного конфликта, тогда как женщины — вследствие причин, отнесенных к категории «иное» (утрата жилья в результате внешних обстоятельств, миграция, болезни, пожар).

Возрастной анализ показал, что в группе «семейный конфликт» средний возраст мужчин составил $47,2 \pm 14,8$ года, женщин — $44,6 \pm 15,3$ года. Наиболее уязвимой возрастной группой в отношении семейного конфликта является диапазон 40–55 лет (52% всех случаев семейного конфликта).

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о доминировании семейного конфликта в этиологии бездомности. Более трети всех обращений (33,6%) прямо связаны с разрывом семейных отношений. Этот показатель коррелирует с данными зарубежных мета-анализов, которые указывают, что внутрисемейные проблемы являются причиной около 40% случаев первичной бездомности в странах Западной Европы и США [Goodman et al., 1991; Rothkuchi, 1996]. Важно отметить, что в отечественной практике системные исследования в этой области единичны, а наши данные представляют собой одну из первых попыток количественной оценки структуры причин на репрезентативной выборке ГКУ «Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки» [Iwundu et al., 2020; Кузинер, 2024].

Однако наиболее значимым и дискуссионным результатом является гендерная асимметрия в группе семейного конфликта. Мужчины не просто количественно преобладают в этой группе — они оказываются в уязвимом положении в 2,3 раза чаще, чем женщины. Как можно интерпретировать этот феномен с позиций психологии?

1. В современной российской культуре сохраняется архетип мужчины как «добытчика» и «главы семьи», несущего ответственность за материальное благополучие домохозяйства. Развод или изгнание из семьи мужчины часто сопряжены не только с потерей жилья, но и с утратой социального статуса, профессиональной деградацией, что в совокупности формирует экзистенциальный кризис идентичности [Iwundu et al., 2020; Кузинер, 2024]. Мужчина, оказавшийся в ситуации изгнания, реже обращается за помощью к друзьям или дальним родственникам, поскольку это воспринимается как утрата маскулинности, признание собственной несостоятельности. В отличие от женщин, для которых поиск социальной

поддержки является более адаптивным и социально одобряемым поведением [Cummings et al., 2022], мужчины демонстрируют избегающие копинг-стратегии, ведущие к быстрой маргинализации и разрыву сохранившихся социальных связей.

2. Женщины в ситуации семейного конфликта чаще сохраняют за собой жилье (особенно если в семье есть дети, либо если жилье приватизировано на них), либо находят временное убежище у подруг, родителей или в кризисных центрах для женщин [Tawfic, 2022; Седых, 2024]. В Москве существует развитая сеть учреждений помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (кризисные центры, социальные гостиницы для женщин с детьми), тогда как аналогичных низкопороговых сервисов для мужчин значительно меньше. Это создает институциональный дисбаланс, который на уровне выборки проявляется как гендерное смещение причин [Кузинер, 2024; Седых, 2024].

3. Категория «личный выбор», занявшая второе место по частоте (24,8%), требует осторожной интерпретации. В психологическом смысле «желание жить на улице» редко является свободным волеизъявлением. За этим чаще стоят глубокие личностные деформации (избегающее расстройство личности, шизоидные черты, последствия посттравматического стрессового расстройства, злоупотребление психоактивными веществами), которые делают невозможным сосуществование в семье [Mikulincer, Shaver, 2012; Mitchell et al., 2024]. Таким образом, часть случаев, отнесенных к «личному выбору», имеет в своей основе те же семейные травмы, но на более поздних, хронических этапах дезадаптации. Показательно, что в этой группе также преобладают мужчины (соотношение 1,8:1), что подтверждает тезис о большей склонности мужчин к изоляции и избеганию социальных контактов в кризисных ситуациях [Iwundu et al., 2020].

4. Возрастной профиль выборки (основная масса — 35–75 лет) указывает на то, что семейный конфликт в позднем возрасте является отдельным серьезным фактором риска. Кризис среднего возраста, выход на пенсию, взросление детей и их отделение, утрата супруга — эти нормативные кризисы могут обострять семейные противоречия и приводить к разрыву отношений [Rothkuch, 1996]. Особую группу риска составляют мужчины 50–65 лет, которые после развода часто остаются без жилья и социальной поддержки, поскольку их дети уже взрослые и не могут выступать в роли «буфера», а пожилые родители, как правило, уже умерли.

Следует также отметить, что наши данные не подтверждают гипотезу о том, что мошенничество является ведущей причиной утраты жилья (лишь 17,4%). Это противоречит распространенному в медиа дискурсу о том, что основной проблемой бездомных являются «черные риелторы». Семейные причины значительно более значимы, что требует пересмотра приоритетов в социальных программах [Байбакова, Гаринова, 2024; Седых, 2024].

Выводы

1. Семейный конфликт является ведущей причиной утраты жилья среди клиентов ГКУ «Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки», составляя 33,6% от всех случаев. Это подтверждает необходимость смещения фокуса социальной работы с экономических аспектов на психологическую диагностику семейной сферы и кризисную психотерапию.

2. Выявлена статистически значимая гендерная асимметрия: мужчины достоверно чаще ($p < 0,05$) попадают в центр социальной адаптации вследствие семейного конфликта по сравнению с женщинами. Соотношение мужчин и женщин в этой группе составляет 2,3:1.

3. Психологическими механизмами, объясняющими большую уязвимость мужчин, выступают: кризис маскулинной идентичности («потеря лица»), дефицит социального капитала

(неспособность или неготовность обратиться за помощью) и институциональный дефицит специализированных служб помощи мужчинам в кризисных ситуациях.

4. Категория «личный выбор» (24,8%) в значительной степени является психологическим артефактом, маскирующим глубокие межличностные травмы и личностные расстройства, что требует дальнейшего углубленного клинико-психологического изучения с применением стандартизированных диагностических методик.

5. Возрастной диапазон 40–55 лет является критическим для семейных конфликтов, приводящих к утрате жилья, что требует внедрения профилактических программ для данной возрастной когорты.

6. Практическая рекомендация: социальным службам и психологам Центров социальной адаптации необходимо внедрять гендерно-чувствительные протоколы первичного приема, включающие скрининг семейной истории и травмы отвержения, особенно для мужчин, так как именно они являются группой повышенного риска по критерию «семейный конфликт». Также целесообразно создание специализированных кризисных центров для мужчин, попавших в ситуацию семейной катастрофы.

Библиография

1. Байбакова Д.А., Гаринова К.А. Что известно о бездомности в России // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 215–257.
2. Кузинер Е.Н. Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 123–153.
3. Седых О.Г. Роль некоммерческих организаций в решении проблемы бездомности // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 1. С. 107–118.
4. Cummings C., Lei Q., Hochberg L., Hones V., Brown M. Social support and networks among people experiencing chronic homelessness: A systematic review // American Journal of Orthopsychiatry. 2022. Vol. 92. No. 3. P. 349–363.
5. Goodman L.A., Saxe L., Harvey M. Homelessness as psychological trauma: Broadening perspectives // American Psychologist. 1991. Vol. 46. P. 1219–1225.
6. Iwundu C.N., Edereka-Great K., Chen T.-A., Reitzel L.R., Businelle M.S., Kendzor D.E. Mental illness and youth-onset homelessness: A retrospective study among adults experiencing homelessness // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17. No. 22. P. 1–13.
7. Mikulincer M., Shaver P.R. Attachment theory expanded: A behavioral systems approach to personality and social behavior // The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology / Ed. by K. Deaux, M. Snyder. New York: Oxford University Press, 2012. P. 467–492.
8. Mitchell E., Murphy S., O'Reilly D., O'Donnelly M. Unravelling the complexity of homelessness: Investigating reasons and risk factors for chronic homelessness // International Journal of Population Data Science. 2024. Vol. 9. No. 5.
9. Pothukuchi K. Immigrant women seek shelter through community-based organizations: "A place to go where we can be ourselves". Research Report. Detroit: Wayne State University, 1996. 45 p.
10. Tawfic S. Making better lives: Hope, freedom and home-making among people sleeping rough in Paris // Housing, Theory and Society. 2022. Vol. 39. No. 5. P. 633–634.

Gender Features of Social Disadaptation in the Loss of Housing: The Role of Family Conflict in the Structure of Homelessness Causes

Dmitrii O. Kryuchkov

Medical Psychologist, Organizational Psychologist,
Head of the Department of Psychological Assistance,
State Public Institution "E.P. Glinka Center for Social Adaptation",
109651, 22, Ilovayskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: doktorkruch2015@yandex.ru

Kryuchkov D.O.

Abstract

The article presents the results of an empirical study of the structure of causes of housing loss among persons who applied for social assistance to a specialized institution in Moscow. The objective of the work is to identify the leading psychological determinants of homelessness with an emphasis on the gender specificity of family conflict. In the course of the analysis of 149 registration cards of social service recipients, it was established that family conflict is the dominant cause (33.6%), while men enter the center for social adaptation as a result of family conflicts 2.3 times more often than women ($\chi^2=6.81$; $p<0.01$). The age range of the sample was from 22 to 86 years, with the main mass of clients (68.5%) aged 35 to 75 years. The socio-psychological mechanisms of men's vulnerability in situations of family breakdown are discussed, including the crisis of masculine identity, the deficit of social capital, and the limited institutional forms of support. Conclusions are drawn about the need for a differentiated approach in social work with regard to gender patterns of disadaptation.

For citation

Kryuchkov D.O. (2026) Gendernye osobennosti sotsial'noy dezadaptatsii pri utrate zhil'ya: rol' semeynogo konflikta v strukture prichin bezdomnosti [Gender Features of Social Disadaptation in the Loss of Housing: The Role of Family Conflict in the Structure of Homelessness Causes]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (6A), pp. 223-229. DOI: 10.34670/AR.2026.93.18.020

Keywords

Homelessness, social disadaptation, family conflict, gender differences, loss of housing, center for social adaptation, psychology of crisis, social capital, marginalization, social work.

References

1. Baibakova, D. A., & Garinova, K. A. (2024). Chto izvestno o bezdomnosti v Rossii [What is known about homelessness in Russia]. *Puti Rossii* [Paths of Russia], *2*(4), 215–257.
2. Cummings, C., Lei, Q., Hochberg, L., Hones, V., & Brown, M. (2022). Social support and networks among people experiencing chronic homelessness: A systematic review. *American Journal of Orthopsychiatry*, 92(3), 349–363.
3. Goodman, L. A., Saxe, L., & Harvey, M. (1991). Homelessness as psychological trauma: Broadening perspectives. *American Psychologist*, 46, 1219–1225.
4. Iwundu, C. N., Edereka-Great, K., Chen, T.-A., Reitzel, L. R., Businelle, M. S., & Kendzor, D. E. (2020). Mental illness and youth-onset homelessness: A retrospective study among adults experiencing homelessness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(22), 1–13.
5. Kuziner, E. N. (2024). Gendernyy kapital i bezdomnost' v Rossii: ot teorii k praktike [Gender capital and homelessness in Russia: From theory to practice]. *Puti Rossii* [Paths of Russia], *2*(4), 123–153.
6. Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2012). Attachment theory expanded: A behavioral systems approach to personality and social behavior. In K. Deaux & M. Snyder (Eds.), *The Oxford Handbook of Personality and Social Psychology* (pp. 467–492). Oxford University Press.
7. Mitchell, E., Murphy, S., O'Reilly, D., & O'Donnelly, M. (2024). Unravelling the complexity of homelessness: Investigating reasons and risk factors for chronic homelessness. *International Journal of Population Data Science*, 9(5).
8. Pothukuchi, K. (1996). Immigrant women seek shelter through community-based organizations: "A place to go where we can be ourselves" (Research Report). Wayne State University.
9. Sedykh, O. G. (2024). Rol' nekommercheskikh organizatsiy v reshenii problemy bezdomnosti [The role of non-profit organizations in solving the problem of homelessness]. *Baikal Research Journal*, 15(1), 107–118.
10. Tawfic, S. (2022). Making better lives: Hope, freedom and home-making among people sleeping rough in Paris. *Housing, Theory and Society*, 39(5), 633–634.